

Темой моего доклада является польский национализм. Мне бы не хотелось задерживаться на описании феномена национализма как такового и теоретических обоснованиях его. Замечу только, что национализм в той форме, в какой мы его знаем, существует на так давно, а именно начиная с XIX века, причём первые научные работы о национализме появились лишь в начале XX века. Более того, до XIX века под „нацией“ подразумевалась не столько этническая принадлежность, сколько социальный класс. Ещё Жан Жак Руссо противопоставлял в абсолютистской дореволюционной Франции третье сословие как нацию двум первым, т.е. дворянству и духовенству.

Я бы хотел приступить к рассмотрению особенностей польского национализма. Следует заметить, что современную Польшу можно назвать практически мононациональным государством. Количество национальных меньшинств не превышает пяти процентов. Тем не менее, националистам – а также патриотам – удаётся находить достаточное количество не только внешних, но и внутренних врагов.

Во первых, в Польше ещё со Средних веков бытует миф о происхождении польского дворянства – т.е. шляхты – от благородного рода сарматов, которые кочевали по Евразийскому континенту во времена господства Римской Империи над Средиземноморьем. В XIX веке, а это значит во время раздела Польши между тремя абсолютистскими державами, представление об избранности распространяется на всех представителей польской нации.

Самое позднее после победы польско-литовских войск над шведскими захватчиками в середине XVII века в Польше католицизм укрепляет свои позиции. Причиной для возникновения убеждения о том, что истинным поляком может быть лишь истинный католик, является предание, согласно которому шведские протестанские полчища были отражены чудотворной иконой „Чёрной Мадонны“ при Честохова. С тех пор Польша трактуется националистически настроенными группировками – и не только ими – как оплот и защитница истинного христианства, как – выражаясь словами Адама Мицкевича – „Христос народов“, а также как защитница западной цивилизации и культуры. Врагами Польши, то есть Христа, является прусский, а позднее немецкий протестантизм, русское православие, османское мусульманство, иудейство и атеистический большевизм. Более того, Папа римский Иоанн Павел II возвёл Польшу в ранг „нового евангелизатора“ Европы.

В Польше процветал и процветает антисемитизм, который, однако, носит скорее вербальный характер. Причём в современном контексте уместно говорить о „антисемитизме без евреев“. Если раньше в евреях подозревали немецких агентов, ставленников царской охраны и руссификаторов, позже революционеров и большевиков, то теперь – как, впрочем, и ранее – капиталистов-угнетателей. В этой связи и Евросоюз представляется радикальными националистическими группировками как инструмент сионистского заговора. В то же время, противники вступления Польши в Европейский Союз рассматривают этот акт как новый этап немецкого "натиска на восток" (Drang nach Osten) по аналогии с политикой кайзеровской и гитлеровской Германии.

Одной из националистически настроенных и в то же время влиятельных партий в польском сейме является Лига Польских Семей. Она известна также как партия „поляков-католиков“. Партия выступает против вступления Польши в Евросоюз. К ультраправому крылу относится партия крестьян Самооборона, отличающаяся юдофобией и милитантными выступлениями. Среди средств массовой информации следует выделить ультракатолическую и особо влиятельную радиостанцию „Радио Мария“, которая обладает высокоразвитой инфраструктурой, включающей фонды, издательства, университет и так называемую милицию. Кроме выше перечисленных организаций, в Польше существует множество других праворадикальных и открыто антисемитских партий, политических движений, газет, журналов и издательств.

Таким образом, особенности современного польского национализма обусловлены историческим прошлым, географическим положением, религиозным началом и сознанием собственной миссии, а также характерным для большинства стран Восточной Европы обострением социальных противоречий в переходный период в экономической и политической сфере.

Алексей Головерда, 2004